

А.М. Решетов

**ЗАМЕТКИ О СРЕДНЕАЗИАТСКОМ
И СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМЕ.
НЕ ПОРА ЛИ ВЕРНУТЬСЯ В ЛОНО
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ?**

Начать разговор мне хотелось бы с упоминания о вкладе отечественных ученых — этнографов, антропологов, археологов, фольклористов, лингвистов в изучение этногенеза и этнической истории народов мира (далее — ЭЭИ), которое совсем недавно представляло собой одно из основных направлений советской этнографической науки. Показательно, что даже в военные годы была проведена научная сессия, посвященная проблемам этногенеза народов Средней Азии и Казахстана. Существовала разработанная подробная методика комплексного исследования этногенетических процессов. На ее основе была создана этническая история прежде бесписьменных народов нашей страны. Громадный материал по ЭЭИ народов мира был обобщен в коллективном 18-томном труде «Народы мира. Этнографические очерки». 4 мая 2009 г. этнографическое сообщество отметило 100-летие со дня рождения Л.И. Лаврова, посвятившего многие годы своей жизни разработке проблем ЭЭИ Северного Кавказа. Мне кажется, весьма полезным для обсуждаемой теперь темы обратить внимание, с какой филигранной точностью он критически разбирал гипотезу о происхождении кабардинцев от народа кабары (Лавров 1956: 20). Его позиция поможет понять и оценить «изыскания» современных среднеазиатских и северокавказских этнонационалистов. Характерно, что тон задают прежде всего политические диктаторы, вслед за ними выступают сотрудники официальных научных организаций, финансируемых тоталитарным государством. Внутри соответствующих независимых государств и даже российских административно-государственных структур сегодня нет научной оппозиции, строящей свои гипотезы на солидной историко-ведческой базе.

Пропаганду идей национализма в Узбекистане и Таджикистане взяли на себя президенты (Каримов 1997; Рахмонов Б.г.), которые занялись написанием трудов о государственности и исторических корнях соответственно узбеков и таджиков. обстоятельный анализ их сочинений дал известным московский этнограф, специалист по этнографии Средней Азии С.Н. Абашин (Абашин 2007: 351–374). «Творение» И. Каримова изучается как обязательный предмет в средних и высших учебных заведениях Узбекистана. Главная его цель —

пропаганда исторического величия узбекского народа, его вклад в мировую цивилизацию еще в то время, когда европейские народы, по его мнению, ходили в звериных шкурах. К сожалению, автор не сообщает где конкретно тысячи лет тому назад жили развитые узбеки, каких успехов они достигли в развитии своей хозяйственной деятельности, в материальной и духовной культуре. Как представляется, автор не до конца продумал цель своей концепции, если он действительно сам писал это произведение. С одной стороны, он утверждает древность узбекского народа и его государственности. Но когда он доходит до характеристики времени присутствия России в Средней Азии, то уже говорит не о древности узбеков, а о мозаичной этнической картине региона, о религиозной близости народов Туркестана. Изложенные две позиции не совместимы: был в истории древний узбекский этнос с древней узбекской государственностью и как итог их развития — формирование Узбекистана при советской власти, — или нарушение этого процесса в 1924-1925 гг., при проведении политики национального размежевания, похоронившей идею создания многоэтничного Туркестана. Не преодолели этого препятствия и научные сотрудники Института истории АН Республики Узбекистан: они в мажорном тоне пишут о трехтысячелетней истории национальной государственности узбеков, однако когда речь у них идет о национальной автономии Туркестана и о национальном самоопределении в первой четверти XX в., этноним «узбек» уходит из употребления и появляется термин «туркестанец» (Очерки 2001). Пожалуй, Каримова как политического деятеля больше интересует проблема расширения узбекского государственного влияния на соседние народы и территории. Чего стоит его заявление о том, что узбеки и таджики одной крови и по существу это один народ, говорящий на узбекском и таджикском языках. Однако, жизнь ставит в повестку дня вопрос о сохранении государства, и одним из выходов из такого положения для Каримова является активная политика ассимиляции и интеграции мелких групп в единую общность — узбекский народ.

Таджикских этнонационалистов в первую очередь интересует вопрос «Большого Таджикистана». Современный таджикский этнограф Н. Негматов считает, что исторический Таджикистан занимал громадную территорию, на которой в разные исторические периоды жили представители разноязычных народов (Негматов 1997). Какое место принадлежит собственно таджикам и их предкам в этом конгломерате? Этот вопрос явно волновал Э. Рахмонова (Рахмонов б.г.). Автор уделяет вопросам героического прошлого своего народа большое внимание. В Душанбе сооружен комплекс, посвященный памяти основателя государства Саманидов Исмаилу Самани. Таджики могли бы удревнить свою этническую историю, если бы рассматривали ее как совместную с иранцами, в которой таджики представляли собой часть большой иранской нации. Но такой подход не соответствует целям

таджикских этнонационалистов. Тем более, в этом случае возникает ряд проблем поликонфессионального характера (взаимоотношение шиитов, суннитов, исмаилитов и т.д.). Как считают современные таджикские ученые и руководители Республики Таджикистан, при национальном размежевании в 20-е гг. XX в. оседлое население бывшего Туркестанского края, Бухарского эмирата и Хивинского ханства должно было быть записанным таджиками, а ретивые переписчики записали их тогда и навсегда узбеками (Масов 1991). Но идея создать «Большой Таджикистан» вокруг нынешнего «Малого Таджикистана» все еще жива. Рахмонов считает, что достижения таджиков зачастую приписываются соседним народам и странам. Справедливости ради отмечу, что в Таджикистане так считали и до развала СССР. Вспоминается беседа в Душанбе в 1975 г. с таджикскими учеными, которые обвиняли узбеков в присвоении ими классических мукамов. Таджикские этнонационалисты в своем стремлении самовозвеличивания пытаются необоснованно сделать таджиками памирцев, имеющих свою богатую историю, культуру и самостоятельные языки.

Откровенным воинствующим этнонационалистом являлся президент Туркменистана С. Ниязов. В августе 2002 г. в Ашхабаде был опубликован указ «О введении в нейтральном Туркменистане национального летоисчисления туркменского народа», пропагандирующий откровенный национализм. Так, в этом документе прямо указывается, что туркменский народ «за свою пятитысячелетнюю историю» внес заметный вклад в сокровищницу общечеловеческих ценностей, но «на каком-то витке своей славной героической истории оказался униженным и оскорбленным», имея в виду пребывание туркмен в составе России и СССР. Идеологические установки президента сразу же нашли развитие в трудах местных историков. Отдельные ниязовские предписания невольно проникают и в труды честных специалистов. Так, в книге Ш.Х. Кадырова исторической родиной тюрков-огузов назван ... Туркменистан, хотя страницей раньше он совершенно правильно пишет о приходе их из Восточного Туркестана (Кадыров 2001: 321–322). С появлением тюрков-огузов на новой для них территории с X в. началось их активное этническое взаимодействие с ираноязычным населением, что привело в дальнейшем к формированию особой группы туркмен-огузов.

В науке давно прописной истиной является положение, что чистых этносов нет и не бывало, что в процессе длительного исторического развития народы вступали в этнокультурные контакты, смешиваясь друг с другом. Ученые, изучавшие ЭЭИ осетин, установили, что в формировании этого северокавказского этноса ведущая роль принадлежит носителям кобанской культуры и аланам — пришлым ираноязычным кочевникам. Однако, как убедительно показал В.А. Шнирельман, такой подход не удовлетворяет националистически настроенных сторонников этнической чистоты осетин (Шнирельман 2003: 8–18). В качест-

ве выхода из такого щекотливого положения некоторые местные осетинovedы предложили считать, что предки ираноязычных кочевников появились в местах нынешнего расселения осетин много раньше, чем предполагалось прежде, а со временем сменили свой язык и образ жизни. Но и в этом случае невозможно было делать вывод о чистоте осетинского этноса, тогда как лидеры других северокавказцев с гордостью утверждают непрерывность сохранения родного языка на протяжении всей многотысячелетней истории их существования. Дабы решить проблему чистоты этноса некоторые осетинские ученые предлагают считать носителей кобанской культуры позднего бронзового и раннежелезного периодов ираноязычными. Теперь, по их мнению, осетины по праву могут причисляться к числу чистых автохтонных этносов. Более того, стали доказывать, что у осетин существовала древняя государственная традиция, что осетины принадлежат к числу древнейших христиан мира. В современном учебнике истории осетин утверждается культурная преемственность на протяжении по крайней мере трех тысячелетий.

В.А. Шнирельман справедливо считает, что этноцентристские мифы играют неоднозначную роль в современном мире. Внутри этноса они служат укреплению этнического самосознания и повышению самоуважения, а в межэтнических отношениях обостряют бессмысленную борьбу за одних и тех же этнических предков. Так, на предков алан самозабвенно претендуют осетины, а также балкарцы, карачаевцы, чеченцы и ингуши (Шнирельман 1996: 100–113).

Факты убедительно свидетельствуют о том, что как в начале XX в. с крушением Российской империи, так и после развала СССР новоявленные лидеры в первую очередь начинают интересоваться переписывание истории своих народов, их ЭЭИ, истории формирования и направления развития национального языка, переоценка деятельности исторических личностей и т.п. Их история, их этногенез, государственность должны быть самобытными, насчитывать не одно и не два тысячелетия в отместку соседям. Поисками мифических предков стали усиленно заниматься ученые мужи Северного Кавказа и Закавказья. Кому-то понравилась идея вести свое происхождение от Моисея. Адыгский историк М.Г. Аутлев написал монографию, «устанавливая адыгско-хеттские связи». Азербайджанские лингвисты пытаются найти общие слова в шумерском и азербайджанском языках. Действительно, и шумеры, хетты имеют богатую историю, а потому породниться с ними было бы делом перспективным. В томе «Народы Дагестана» авторы считают, что к периоду II–I тыс. до н.э. относится начало формирования современных народов Дагестана и Северного Кавказа в целом (Народы Дагестана 2002: 28). Вот к таким результатам приводит погоня за древностями своих истоков. Хорошо, что отечественная историография реагирует на ошибочные творения современных этнонационалистов. Но, к сожалению, практически незаметно ушло

прежде развитое одно из основных направлений отечественной этнографии — изучение ЭЭИ. Не пора ли вернуться в лоно научных исследований? Авторитетное слово должен сказать ведущий этнографический центр страны — Институт этнологии и антропологии РАН, взяв на себя роль координатора исследований по этногенезу и этнической истории, которые проводятся в научных учреждениях России.

Библиография

Абашии С.Н. Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов // Национализм в мировой истории. М., 2007.

Кадыров Ш. Российско-турменский исторический словарь. Т. 1. Берген, 2001.

Каримов И. Узбекистан на пороге XXI в.: угроза безопасности и гарантия прогресса. Ташкент, 1997.

Лавров Л.И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // Сов.этнография. 1956. №1.

Масов Р. История топорного разделения. Душанбе, 1991.

Народы Дагестана. М., 2002.

Негматов Н. Таджикский феномен: теория и история. Душанбе 1997.

Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент, 2001.

Рахмонов Э. Таджики в зеркале истории. Кн.1. От Арийцев до Саманидов. Л., б.г.

Шнирельман В.А. Борьба за аланское наследство (этнополитическая подоплека современных этногенетических мифов) // Восток. 1996. № 5.

Шнирельман В.А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнограф. обозрение. 2003. № 4.

А.Е. Тер-Саркисянц

НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ: ПРИЧИНЫ И ПУТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

20 февраля 2008 г. исполнилось 20 лет с начавшегося в СССР в условиях перестройки и демократизации конфликта армян Нагорного Карабаха с Азербайджаном — первого из вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве. Первопричиной конфликта и его главной спорной проблемой остается статус Нагорного Карабаха. Особую остро-